

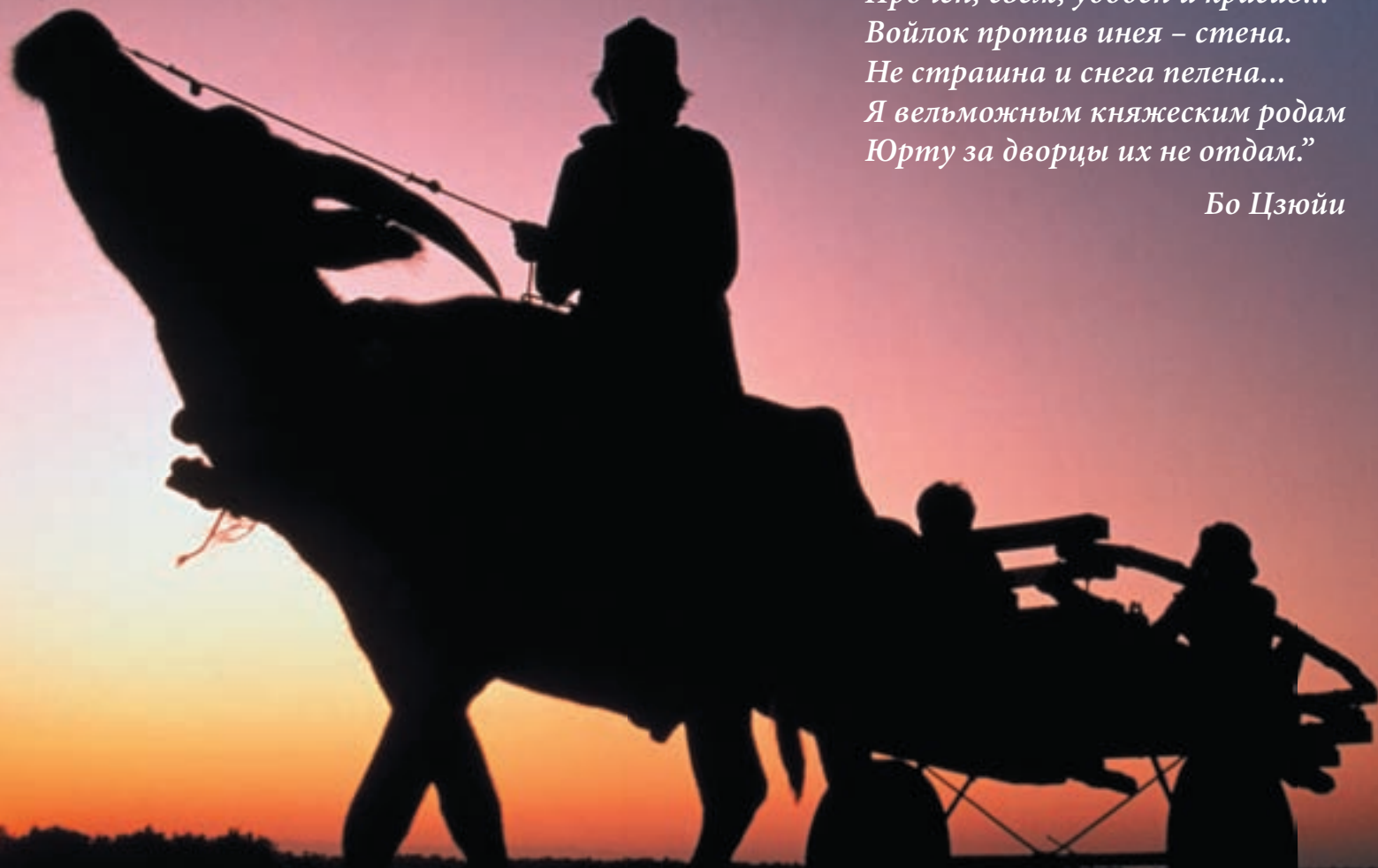
Дмитрий Густов

Тяжелая прочность подиальной оседлости

*“Шерсть собрали с тысячи овец,
Свили сотни две тугих колец.
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив...
Войлок против инея – стена.
Не страшна и снега пелена...
Я вельможным княжеским родам
Юрту за дворцы их не отдам.”*

Бо Цзюйи

Так уж сложилось, что каждый раз, когда мы начинаем говорить о кочевых народах, первое, что приходит нам на ум – это татаро-монголы с их фантастическими завоеваниями. И не случайно “фантастическими”, а не “потрясающими” или что-то в этом роде. Около пяти тысяч километров преодолели полчища ордынцев до Руси, пройдя потом ещё полторы тысячи до берегов Адриатики. Если задуматься над этим, то невольно встаёт вопрос: а было ли это? Возможно ли было взять и пройти этот путь, и даже не пройти, а проложить его себе огнём и мечём, и не среди примитивных деревушек, а среди уже вошедших в силу городов средневековья? Вопросов больше, чем ответов.

О ставим пока эти споры историкам, решающим, а был ли вообще Чингисхан. Нам куда интереснее понять то, как жили кочевники, и через это, может быть, найти свой ответ и на вопрос, поставленный выше.

Прежде же чем углубиться в особенности кочевых поселений, определимся с тем, что же нас интересует, и даже не столько что, а кто. Не хотелось бы останавливаться на одном из народов, чья история прослеживается с их древних кочевий. Скорее хочется охватить их всех, чтобы понять то общее, что характерно не для бурят, калмыков, эвенков, киргизов или монголов, а для тех, кого принято именовать общим словом – кочевники. Познание каждой стороны жизни любой группы людей невозможно без понимания основ психологии этой группы. Говоря о кочевых народах нам не нужно изобретать колесо, а можно воспользоваться трудами известного российского ученого XIX века Н.А. Морозова, который долгое время посвятил изучению особенностей существования кочевых народов. По его мнению, основа всех особенностей кочевой культуры заложена в том, что “кочующие народы по самому характеру своей жизни должны быть широко раскинуты по большой некультуривированной местности отдельными патриархальными группами, неспособными к общему дисциплинированному действию, требующему экономической централизации... У всяких кочевых народов, как у скоплений молекул, каждая их патриархальная группа отталкивается от другой, благодаря поискам всё новой и новой травы для питания их стад”.

И действительно, когда речь идёт о кочевниках, основа жизни подавляющего большинства которых заключена в выращивании скота, который даёт людям всё необходимое для жизни (еду, одежду, материалы для орудий труда и т.п.), невозможно себе представить, что сами кочевники будут стремиться к тому, чтобы умышленно уменьшать корм для своих стад. Очевидно, что при соединении семей, они должны соединить друг с другом множество коров, лошадей, овец и баранов, принадлежащих разным главам родов. Это неминуемо приведёт к тому, что травы всех близлежащих районов будут вскорости поедены животными, для спасения которых придётся либо постоянно кочевать, не создавая даже временных стоянок, либо, уничтожив объединение нескольких семей, вновь распасться на мелкие группы. Только через значительное удаление временных стоянок кочевников друг от друга возможно хотя бы изредка задерживаться на одном месте, позволяя животным достаточно длительное время питаться на плодородных пастбищах. Конечно, возможно и постоянное кочевание, но... кочевники кочуют не потому, что им так нравится, а потому, что стада уходят с голодных мест. Даже самый заядлый путешественник не откажется от возможности, пусть и путешествуя, самому подолее не переносить палатку на другое место. Указанная разъединённость, обеспечивающая временную осёдлость, характерна для всех кочевых народов, питающихся от стад, за исключением случаев, когда возникает способная уничтожить всех стихийная катастрофа, под страхом которой и начинается массовое переселение народа в более благодатные земли. Необходимость же обеспечить в “нормальной” жизни как осёдлое,

так и мобильное существование, привела к тому, что у кочевых народов выработался определённый тип жилища, который несёт в себе одинаковые черты у всех кочевых народов и отличается разве что материалами да способами установки, диктуемыми особенностями регионов миграции.

Именно у кочевых народов и по сей день сохранилось то, к чему сейчас возвращаются стационарные “цивилизованные” строения. Максимальная приспособленность к географическим условиям вместо копирования изысканных архитектурных стилей – это не следование древним традициям, а шанс выжить в тяжёлых условиях.

Но вне зависимости от того, где проживал кочевник, к его услугам были три основных типа жилища: кочевая палатка, жилище на колесах и стационарное жилище кочевников. Последнее кажется немного необычным для кочевника, но... мы пока не будем забегать вперёд.

Кочевая палатка является самым древним типом жилища, которое стали использовать кочевники вместо шалашей. Во многом это определилось тем, что на территориях степей, лишённых крупной растительности, было порою просто невозможно найти материал для строительства даже простого шалаша. Именно поэтому и появились сначала переносные, а затем и перевозимые палатки, устанавливаемые в местах временных стоянок.

При этом очевидно, что просто произошёл плавный переход от шалаша, возводимого на месте стоянки из подручных средств, к шалашу, приносимому вместе с собой. По этой причине первые кочевые палатки несли в себе все черты, присущие шалашам, являясь по сути примитивным сооружением конического типа, покрытым корой или

шкурами животных, а в последующем и войлоком, который скотоводы научились делать более 3 тысяч лет назад. Войлоком покрывали жилище со всех сторон, делали войлочную подстилку внутри юрты. Им же закрывали двери и дымовые отверстия. Изначально каркасные жерди просто связывали вверху между собой, что обеспечивало устойчивость конструкции, но делало процесс сборки-разборки достаточно трудоёмким. В последующем, по мере развития технологий строительства, верхние концы жердей стали не связывать, а соединять с помощью свитого из прутьев кольца. Следует отметить, что люди со временем поняли: перевозить кочевую палатку полностью нецелесообразно, поэтому транспортированию подвергалось только покрытие, а каркас жилища – установленные и закреплённые жерди – оставляли на стоянке. Однако это было удобно лишь тогда, когда ежегодная миграция осуществлялась по определённому маршруту и не было опасности, что каркасом жилища воспользуются другие кочевники. Поэтому указанный частичный перенос жилища закрепился лишь со временем, когда уже утвердились некие законы взаимоотношений отдельных семей или племён. По мере же перехода от охотничества к скотоводству, в шалаше произошло ещё одно изменение: верхняя часть стены стала изготавливаться отдельно от нижней. Дело в том, что конический шалаш оставляет слишком мало внутреннего пространства для семьи. Это допустимо для охотника, который приходит домой разве что для сна. Но когда речь заходит о доме пастуха, то стены должны выпрямиться, чтобы людям было

удобно не только спать, но и жить. Указанная трансформация изменила технологию производства стен, так как для вертикальной круговой стены из жердей невозможно обеспечить требуемую устойчивость. Появились решётчатые стены, которые составили остов жилища. Крыша же такой постройки сохранила технологию возведения конического шалаша, в результате чего простой конический шалаш превратился в решётчатую юрту. Для того, чтобы юрта обладала высокой устойчивостью, в её конструкции были оптимальным образом использованы элементы, которые, на первый взгляд, служат совсем для других, если так можно выразиться, обычных целей. Это два элемента, соединённые с дымовым отверстием юрты, служащие заодно и единственным окном: плетеная из волоса веревка и опорный шест. Верёвка, прикреплённая к центру дымового отверстия, могла использоваться как своеобразная якорная цепь. При сильном ветре к верёвке крепился тяжелый камень, который и не позволял юрте раскачиваться, выступая в роли балансира. Опорный шест, нижним концом упирающийся в землю или в пол юрты возле очага, верхним раздвоенным концом поддерживал обод дымового отверстия. В принципе, юрта, поставленная с соблюдением всех правил, не нуждается в этом шесте, так как весь вес равномерно распределён на стены. Однако при ветре безшестовая юрта, если и не опрокинется, то продавится в средней своей части. Шест, являясь ненужной в нормальных условиях опорой, спасал юрту в непогоду, повышая её об-

щую жёсткость. Значительный скачок в совершенствовании юрт произошёл после возникновения, как бы мы выразились сейчас, панельного строительства. Вместо сплошной решётчатой стены стали использоваться сборно-разборные стены, состоящие из нескольких панелей-решёток. Число решёток зависело от достатка хозяина юрты. Жилище простых кочевников собиралось на основе четырех или шести решёток. Дома предводителя или старейшины рода могли состоять и из сорока решёток, что привело к возникновению так называемых дворцовых юрт. Однако, какого бы размера ни была юрта, внутреннее расположение вещей в ней всегда было одинаково. И основа этого образа заключалась прежде всего в сакрализации юрты, в противопоставлении освоенного пространства юрты и переменчивого внешнего мира. Именно по этой причине в юрте всегда находились предметы (объекты), точное размещение которых на своём месте и точное исполнение относящихся к ним предписаний не могло быть нарушено никакими условиями. Среди таких объектов были дверь и порог, очаг, дымовое отверстие, расположенное в верхней части юрты, и функционально связанные с ним волосная веревка и шест, придающие юрте устойчивость. Правильность юрты закладывалась уже при её установке, что проявлялось в точной ориентации по сторонам света её составных частей и хозяйственного инвентаря. Указанное важно как с практической точки зрения, так как

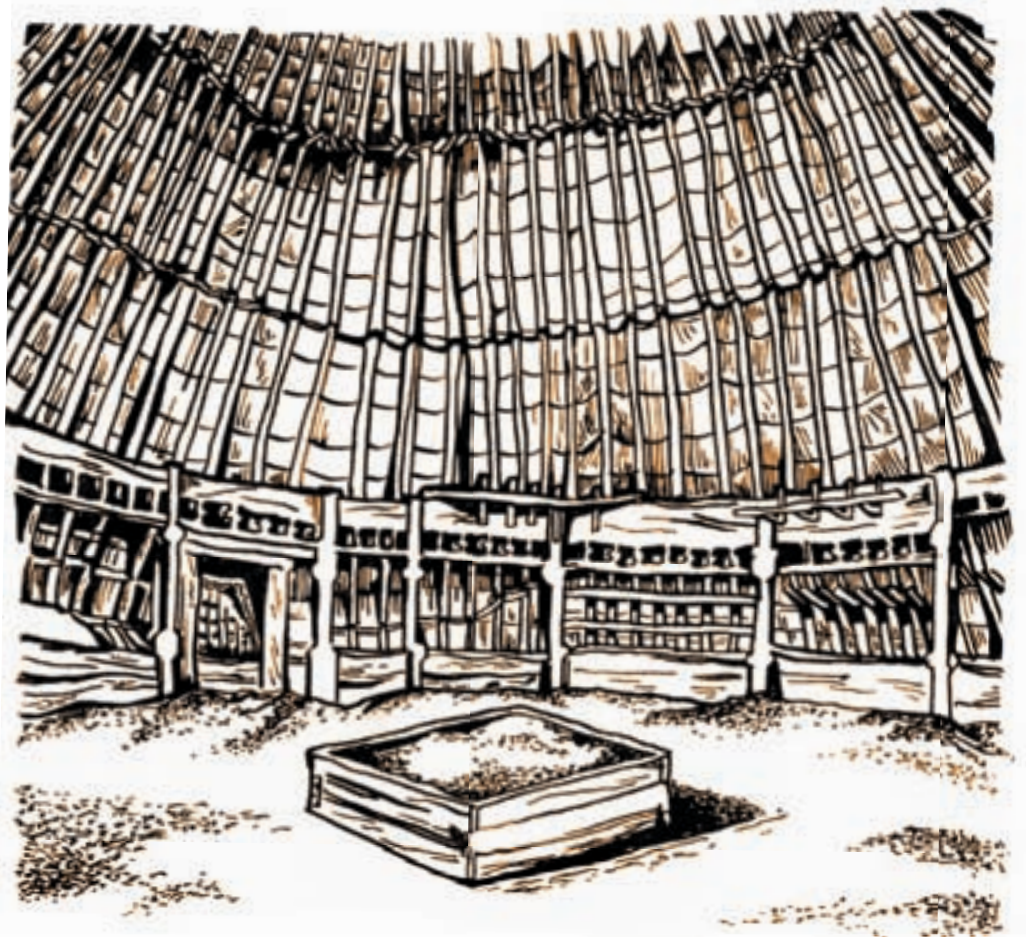

все вещи в кочевом хозяйстве должны быть на своем месте и всегда под рукой, так и с ментальной, когда порою слепо следуют сложившейся веками традиции. Напротив расположенной с юга двери располагалась самая почётная часть помещения. Это поделило юрту по оси восток–запад на две части: южную, заполненную хозяйственными предметами, и северную, служащую для расположения семейного алтаря и прочих важных для семьи предметов. Деление же юрты по оси север–юг создало западную и восточную половины, принадлежащие, соответственно, мужчине и женщине. В мужской половине размещался скотоводческий и охотничий инвентарь, а в женской – домашняя утварь и запасы продуктов. При этом женщине вовсе не запрещалось оказываться на мужской половине и наоборот.

Помимо указанного вход нёс на себе ритуалы, связанные ещё и с порогом, то есть с входом и выходом. Так, например, для нас сейчас традиционным является правило не здороваться через порог, а для кочевника являлось вполне естественным даже не разговаривать через него. Помимо этого существовало огромное количество и других правил, связанных как с входом, так и с выходом из юрты. При нарушении некоторых запретов, юрту даже приходилось переставлять с места на место. Указанное следовало, к примеру, делать если покойника выносили (между прочим вперёд головой) из юрты через дверь. Поэтому кочевники предпочитали разбирать одну из стен и выносить покойника именно через образовавшуюся в стене брешь. Всё это делалось, чтобы обезопасить дом от злых духов, для повседневной защиты от которых использовались различные способы, типа широко распространённой западно-монгольской традиции закреплять над притолокой двери острием вниз нож, пилу или просто железную пластинку.

Однако ни один способ защиты от злых духов не давал людям столь много защиты как очаг – символ обжитого дома, – являющийся точкой отсчёта при организации пространства юрты. С очагом и огнём связаны основные запреты, от соблюдения которых зависит благополучие всей семьи. Во-первых, ни при каких обстоятельствах не допускалось гасить огонь, так как это означало упадок рода и распад семьи. Во времена Чингисхана существовал закон, который приравнивал данный проступок к убийству родственников.

Во-вторых, не допускалось “осквернение” очага и огня такими поступками как литьё воды в очаг, касание огня ножом или какими-либо острыми предметами. Запрещалось даже рубить топором возле огня,

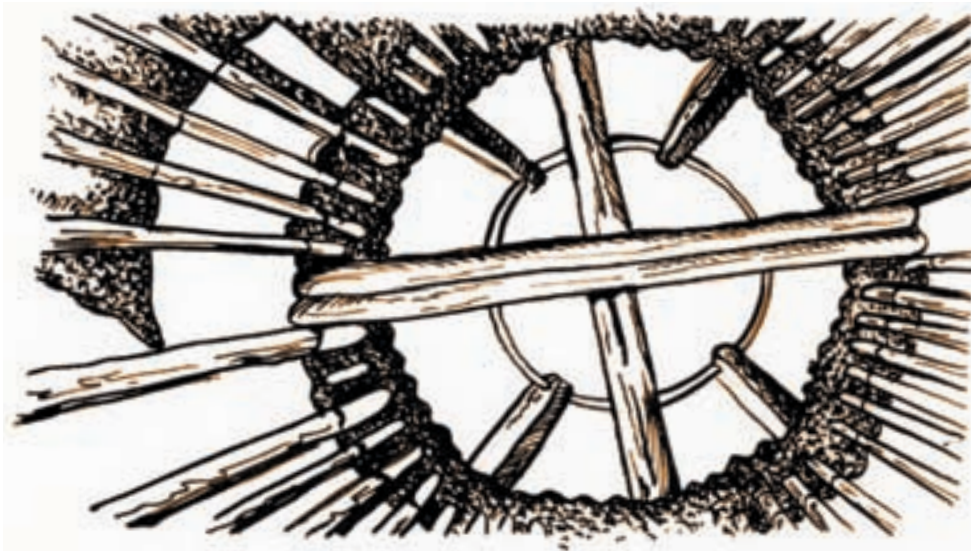

чтобы случайно не отсечь голову “хозяйке” огня. Недопустимым являлось и бросание в огонь грязи, мусора и всего другого, что может осквернить огонь.

Но не только на отношение и расположение внутренних объектов были наложены законы и они были подчинены строгому порядку. Строгим и однотипным оставалось расположение и самой юрты, которая, являясь одновременно как искусственно организованным пространством, так и органичной частью природы, вобрала в себя наиболее полезные и благоприятные принципы последней. В основном это проявилось в использовании принципов регуляции микроклимата. Дело в том, что, используемая в различных климатических условиях юрта должна была отвечать требованиям сразу всех этих регионов. Поэтому при создании жилища было необходимо учитывать и солнечную радиацию различной интенсивности, и резкие перепады температур, и значительные ветровые нагрузки, и влажность, которая могла колебаться от минимальных до максимальных значений. Жилище должно было не просто противостоять внешней среде, но и приспособливаться к её резким изменениям как в течение года, так и в течение самих суток. Одним из критериев оценки качества жилища является способность поддержания заданного микроклимата внутри дома.

И юрта полностью соответствует данному критерию, благодаря оригинальной сборно-разборной конструкции компактной формы и применению в качестве строительного материала шерсти. И дело здесь даже не только в хороших теплофизических качествах шерсти, но и в комплексе конструктивных приспособлений, благодаря сочетанию которых внутри поддерживается оптимальный микроклимат в любое время. Среди упомянутых приспособлений особое значение отводилось механически опускающимся и поднимающимся вместе с изменением температуры воздуха войлочным стенам, а также покрытию верхнего отверстия юрты, которое, обладая возможностью поворачиваться или даже совсем убираться в зависимости от солнцестояния, обеспечивало терморегулирование внутреннего пространства.

Из-за того, что температура в юрте, как и подавляющем большинстве домов, зависит от расположения солнца, то, для привлечения максимального количества тепла, юрта всегда размещалась на открытом солнцу пространстве, с дверью, как уже отмечалось ранее, обращенной на юг. Помимо гарантированного прогрева в летний период такое расположение надёжно изолирует дом кочевника от холодных северных ветров и снежных заносов зимой.

Помимо ориентации входа кочевники строго следили за всем внешним видом и планировкой юрты, так как она являет собой модель вселенной. Орнамент купола в плане представляет сориентированный по сторонам света крест, а центральное верхнее дымовое отверстие юрты определяет вертикальное направление и позволяет кочевнику ночью наблюдать за движением звёзд через неподвижную верхнюю раму дымника. В последующем восприятие юрты как модели вселенной легло в основу как остальных нежилых отдельных сооружений, так и целых градостроительных комплексов. Вообще кочевые города являются уникальным явлением во всемирной истории архитектуры. И тем более они поражают тем, что хотя и создавались по стандартной схеме (кочевые поселения переносились в пространстве, полностью сохраняя определенную планировочную структуру и облик на каждом новом месте), но и отвечали бионическим принципам – законам пространственной взаимосвязи в живой природе, заполнению пространства и сочетанию форм разного размера и характера и т.п. Каждое строение располагалось с учётом рельефа местности, направления господствующих ветров, освещения, влажности и других естественных факторов, образуя, как в природе, единый организм. Однако при этом общая форма поселения придерживалась и определённых традиций, которые, конечно же, сами были основаны на рациональности кочевого поселения. Так, кочевые станы располагались по кругу, что наиболее удобно по отношению к природным условиям степи. Такой круговой способ расположения поселения просуществовал практически до XII века у многих кочевников и получил название куренного способа кочевания от слова от “хуре” – круг, кольцо. В таком поселении практически все строения стояли по кругу, и лишь центрально расположенная юрта правителя, да скот

и повозки располагались внутри круга. Со временем кочевание куренями прекратилось, однако принцип расположения построек по кругу не исчез. Точно так же, как и пространство в юрте, пространство за пределами юрты “одомашнивалось” по мере длительности стоянки на одном месте и в зависимости от направления сторон света. Границам зоны “одомашненности” являлись коновязь (5-6 м на юг или юго-восток от юрты) и загон для скота (10-12 м на северо-восток или северо-запад). Между этими объектами размещались дополнительная хозяйственная юрта, склад дров, корзины, деревянная повозка для перекочевки и т.д. За пределами указанной границы начинался дикий мир. Однако и он мог постепенно становиться своим. Это осуществлялось с помощью специальных куч камней, сооружавшихся в честь местных духов-хозяев. Такие насыпи являлись метками родовой, а позднее этнической территории. Однако говорить о внешнем одомашненном пространстве не приходилось, пока кочевник находился в движении, а весь его дом помещался на колёсах. Указанный тип жилища является достаточно старым. Как показали многочисленные археологические исследования жилище на колёсах использовалось кочевниками достаточно широко ещё до нашей эры. Такие передвижные жилища были как сборно-разборными, так и стационарно установленными на специальные телеги. Последнее особенно практиковалось для больших юрт, перевозимых на огромных четырехколесных повозках, запряженных двадцатью и более волами или верблюдами. По некоторым данным, такие телеги-жилища применялись вплоть до XIV века различными кочевыми народами. Считается, что появление таких жилищ было вызвано частыми войнами, когда было слишком мало времени на сборку и

разборку юрт. Более того, дома на колёсах, поставленные по кругу, позволяли быстро создать укрепленный заслон внезапно появившемуся противнику. Однако столь масштабные дома на колёсах были скорее исключением из правил. Куда чаще простые кочевники использовали небольшие повозки, в которых и располагалось семейство при переезде с места на место. При этом ночёвка могла проходить как собственно в повозке, так и во временной кочевой палатке, которая служила сугубо для кратковременного пребывания. Конечно же, не следует забывать, что и сама юрта является кочевой палаткой. Однако хочется всё-таки разделить юрту (постоянную кочевую палатку) от просто временной кочевой палатки. Принципиальное отличие временной кочевой палатки от юрты заключалось не в том, что она делалась не из войлока, а из материи, а в том, что палатка не имела как специальной мебели, так и, самое главное, функциональных зон, столь характерных для юрт. Палатка нужна была не для одомашнивания пространства, а для банального временного укрытия от непогоды и палящего солнца. Временные кочевые палатки делались различной конструкции и размера. Существовали палатки, практически полностью копирующие внешне юрту, и те, что напоминали шалаш. Были те, что закрывали внутреннее пространство со всех сторон, и те, что, парили высоко поднятые над землей не имея стен. Существовали даже специальные небольшие складные палатки на одного или двух человек, которые в сложном состоянии можно было переносить на спине. Однако было в них одно, что объединяло их все: лёгкость и простота установки и сворачивания. Но был у кочевников и ещё один тип домов, который в отличии от всех типов кочевых палаток вовсе не нужно было быть лёгким, и он вообще не должен был уметь сворачиваться быстро или медленно. Эти последние типы кочевых домов принято называть стационарными жилищами кочевников. Всё дело в том, что существовало три основных типа кочевого хозяйства. Первое, когда всё население кочевало целый год по сезонным пастбищам, не требовало постоянных жилищ, так как люди и не жили долго на одном месте. Второй тип кочевого хозяйства можно охарактеризовать как полукочевой, при котором всё население кочует с весны до осени, а зиму проводит на постоянном зимовище. Третий же тип хозяйства характерен раздельным кочеванием. При этом одна часть населения (практически все работоспособные мужчины) кочевала, другая (женщины старики и дети) – обитала в постоянном жилище и могла заниматься, не только скотоводством, но и земледелием. Последний тип существования возникал по

мере развития кочевых народов и интенсифицировался в зонах контакта с племенами, уже ведущими осёдлый образ жизни. Такое взаимное влияние культур обогащало оба народа, принося мобильность осёдлому, и приводя к появлению и развитию у кочевников стационарных жилищ.

При переходе от кочевого жилья к стационарному приходилось решать две задачи. Первая заключалась в поиске более прочного и дешевого материала нежели войлок. Вторая – в отыскании новых форм, соответствующих новым потребностям. При этом очевидно, что использование войлока не прекращается, а лишь сокращается для решения задач, которые не могут быть решены с помощью новых строительных материалов. Да и жилища старого типа не исчезают, а продолжают служить как летние или хозяйственные постройки. Просто предыдущие формы жилищ постепенно вытесняются новыми, которые в лучшей степени соответствуют как стаци-

онарному стилю жизни, так и природно-климатическим условиям и местным строительным материалам, которые, в отличие от кочевого типа существования, стали малоизменяемыми.

В результате такого перехода в богатых лесом местах стали возникать срубы, а в степи – дома-мазанки, основным материалом которых стали плетень и глина. Конечно же на промежуточном этапе не обошлось без землянок и полуземляных сооружений, что во многом определилось тем, что куда проще для стационарного прочного дома вырыть углубление в земле, чем возвести сруб или выложить стену из дёрна, а уж тем более сырцового кирпича или камня. В последующем эти полуземлянки, как бы вырастая из земли, превратились в привычные нам наземные стационарные постройки различного назначения. Однако появление стационарных домов не привело к забвению юрт. Этот тип постройки и по сей день широко используется в качестве не только вспомогательного

жилища летом, но и постоянного в любое время года. И действительно, зачем отказываться от того, что, будучи привычным для целого народа, в некоторых климатических зонах не уступает по комфортности, скажем, деревянному дому.

Однако в некоторых регионах осёдлый образ жизни так и не сумел покорить сердца “заядлых кочевников”, которые продолжили своё кочевое существование даже тогда, когда вокруг них поднялись стены великолепных городов. В большей степени указанное получило распространение в жарких странах с континентальным климатом, когда природа сама позволяла не заботиться о прочном укрытии, разрешая довольствоваться едва ли ни одной палаткой, иногда даже без жёсткого каркаса.

Участь же стать такими своеобразными оазисами параллельного существования как кочевых, так и осёдлых способов ведения хозяйства выпала народам Северной Африки, Ближнего Востока и Средней Азии ■

